

Безопасность бизнеса, организованная преступность и коррупция в России глазами иностранных предпринимателей

Данная работа возникла в результате осмысления и обобщения материала, собранного в течение 1999-2000 гг. на предварительной фазе научно-исследовательского проекта "Безопасность бизнеса и бизнес безопасности. Стратегии обеспечения безопасности и восприятие рисков немецкими предпринимателями в России". На данном этапе методика для систематического сбора информации еще не была разработана: разработка ее должна была стать как раз одним из результатов предварительного исследования. Основной же целью было выяснение, насколько данная проблематика актуальна и имеет ли смысл, собственно, дальнейшее ее научное исследование. С этой целью следовало выявить значимость для иностранных предпринимателей в России проблем, определяемых в терминах риска и безопасности и не сводимых к экономическим аспектам этих понятий.

Предвосхищая изложение полученных результатов, следует отметить, что большинство опрошенных определили данную тематику как весьма актуальную (при условии, что в ее рамках будут поставлен ряд вопросов, которые именно они считали важными с точки зрения безопасности, и по которым имел место явный дефицит информации); скептическое отношение к исследовательским намерениям высказывалось очень редко. Впрочем, трудно судить, насколько позитивную оценку этих намерений следует отнести на счет вежливости собеседников. Наиболее позитивным в отношении исследовательских намерений оказалось мнение сотрудника торгово-промышленной палаты во Франкфурте-на-Одере, которого буквально осаждали местные предприниматели с вопросами относительно возможностей и условий установления деловых контактов с Россией. В качестве ответа он мог им предложить только памятку, в которой излагались лишь самые общие правила получения виз, таможенного контроля пассажиров и т. п.

Предполагалось в общих чертах выяснить, какие содержательные аспекты жизни и деятельности иностранных (в первую очередь, немецких) предпринимателей ассоциируются ими с понятиями риска и безопасности; какие проблемы, ситуации и субъекты относятся к данным аспектам. Одним из результатов этой подготовительной или пилотажной фазы должен был стать, как указано выше, материал для разработки методики основного исследования. Тем самым предполагалось сформировать смысловые категории исследова-

ния и определить значимые вопросы прежде всего на основе субъективного опыта лиц, включенных в подлежащие исследованию процессы и отношения, по мере возможности абстрагируясь от собственных предварительных представлений о предмете, формальных понятий риска и безопасности, обыденного знания и клише, транслируемых средствами массовой информации.

Поскольку речь шла о предварительном исследовании, зондировании почвы с целью обоснования и подготовки основного научно-исследовательского проекта, сбор материала носил несколько диффузный, несистематизированный характер. Было проведено достаточно много бесед, однако лишь часть из них соответствовала методическим стандартам фокусированного интервью. При отсутствии возможности магнитофонной записи приходилось по ходу интервью параллельно письменно фиксировать их содержание. В результате накопилась масса заметок и записей, многие из которых имели вид, исключавший какую-либо дальнейшую работу с ними. В силу этого, последующие рассуждения в основном опираются на анализ двенадцати "транскриптов", имевших более или менее подробный, логически заверченный характер и воспроизводивших заданную структуру интервью (общее описание этой структуры будет представлено ниже). Остальные материалы принимаются во внимание лишь в порядке исключения, при наличии в них информации, особо значимой для подтверждения или пояснения какого-либо из приводимых тезисов.

Собеседниками были немецкие бизнесмены, имевшие прошлый либо текущий опыт работы в России, сотрудники филиалов немецких фирм в России, работник торгово-промышленной палаты во Франкфурте-на-Одере, заместитель генерального консула ФРГ в Санкт-Петербурге и несколько немецких предпринимателей, предполагавших открыть совместные предприятия либо филиалы своих фирм в России. Контингент собеседников не ограничивался представителями Германии, беседы велись также с русскими менеджерами немецких фирм в России и бизнесменами иных национальностей, а также представителями охранных служб в Санкт-Петербурге. Из двенадцати "полноценных" интервью семь было проведено с немецкими предпринимателями и работниками немецких фирм, работающими в России либо имевшими в прошлом опыт такой работы; три интервью - с потенциальными экономическими партнерами России; одно - с испанским предпринимателем, в прошлом занимавшимся оптовыми поставками фруктов в Россию; и одно - с представителем австрийской строительной компании. Немецкими собеседниками были представлены дочерние предприятия фармацевтической фирм, автомобилестроения и химической промышленности в России, парокходство, экспедиционная фирма, поставщик продуктов питания, поставщик компьютеров и оргтехники. С точки зрения дальнейшего анализа важным явилось то обстоятельство, что контингент опрошенных распадался на дискретные группы по

двум признакам: наличию/отсутствию личного опыта работы в России и возрасту¹.

Эмпирическим материалом исследования можно считать мнения, установки, взгляды, оценки иностранными предпринимателями явлений и отношений российской действительности, охватываемых понятиями "безопасность бизнеса", "организованная преступность" и "коррупция". Вопросы не ставились в жестко "оценочной" форме, чтобы избежать излишне суггестивного характера хода интервью². Поэтому эти взгляды и оценки зачастую высказывались не в "препарированном" виде. Отношение к предмету интервью порой более, порой менее четко прослеживалось в ходе спонтанной беседы о ходе и состоянии дел, имевших место в ситуациях и событиях, о лицах, с которыми собеседнику доводилось иметь дело.

Материал был собран на основе методики нарративно-фокусированного интервью. Вначале собеседнику предлагалось рассказать о своем опыте работы в России (или же о планах такой работы), а также, в общих чертах, - о сфере своей деятельности и характере бизнеса. Затем предлагалось определить значение и характер организованной преступности и коррупции как социальных явлений в контексте текущего экономического развития России, а также установления и расширения экономического сотрудничества с ней.

Третьим звеном интервью был вопрос о непосредственных ситуациях и проблемах, с которыми доводилось сталкиваться собеседнику, и которые он определил бы в терминах риска и безопасности. В ряде случаев вопрос ставился проективно, когда собеседник не имел непосредственного опыта работы в России, а лишь планировал участие в экономических отношениях с ней. Порой речь шла о ситуациях, в которые попадали коллеги и знакомые собеседника, а не он сам.

Нельзя сказать, что на данной фазе были сделаны какие-либо грандиозные открытия. В принципе, результаты соответствовали ожиданиям. Тем не менее, было достигнуто значительное уточнение и конкретизация предварительных представлений о предполагаемом предмете исследования. До этого представления носили весьма абстрактный характер, теперь же они в определенной степени обогатились информацией, отражающей содержательные аспекты жизни и работы иностранных предпринимателей в России. В любом случае, материал предварительной фазы исследования представляется заслуживающим осмысления, опубликования и обсуждения. При этом, однако, не следует упускать и виду охарактеризованные выше особенности сбора мате-

---

¹ Четверо из опрошенных были моложе 30 лет (средний возраст 27) и восемь – старше 40 лет (средний возраст – 48).

² Задача состояла не в выявлении отношения собеседников к тем или иным (заранее определенным исследователем) рискам и опасностям, а в реконструкции субъективного определения опрошенными, в чем состоят риски и опасности и каковы критерии оценки (ситуаций, действий, отношений и лиц) в качестве рискованных и опасных.

риала, налагающие определенные ограничения на его интерпретацию. Данные ограничения заставляют говорить скорее о "предварительных заметках к восприятию иностранными предпринимателями проблем безопасности на территории России".

Понятийно-теоретические основы исследования

Относительно темы предлагаемой работы следует сделать ряд оговорок. Во-первых, темой этой охвачена сфера отношений, характеризующаяся высокой латентностью, в высокой степени закрытая для взора как случайного внешнего наблюдателя, так и значительного числа собственно вовлеченных в нее лиц. Во-вторых, сфера эта не имеет более или менее четких границ - это означает, что практически невозможно сказать, где заканчиваются нелегальные отношения и начинается область вполне законной экономической деятельности. С этим взаимосвязана третья проблема - тема предполагает работу с плохо определенными понятиями, с трудом поддающимися соотнесению с конкретными эмпирическими объектами.

В отношении иностранных предпринимателей эта проблема носит чисто технический характер - речь идет о весьма разнородном контингенте лиц: китайские, американские, европейские, украинские и иных национальностей деловые люди; представители малого бизнеса и крупных концернов; лица, непосредственно действующие на территории Российской Федерации; инвесторы и поставщики, никогда к этой территории даже не приближавшиеся. Трудно предполагать за всем этим контингентом сколько-нибудь единого видения проблем, связанных с организованной преступностью, коррупцией и безопасностью предпринимательской деятельности в России. Обеспечение же репрезентативности изначально не входило в планы данного исследования (сомнительным представляется, чтобы результаты такого исследования оправдали связанные с ним издержки).

Особо следует остановиться на проблеме понятия организованной преступности. Трудно не согласиться с Нильсом Кристи, что речь идет о весьма плохо определенном понятии (*ill-defined concept*; Christie 1999; см. также Гилинский 2002: 206). Это предполагает значительные расхождения во мнениях, охватывается ли то или иное конкретное явление этим понятием, или же лежит за его пределами. Относятся ли терроризм³, взяточничество, преступность государств и других политических и экономических организаций и "легальных" корпоративных субъектов к данному понятию? Где проходит грань между организованной и неорганизованной преступностью? Между

---

³ Подведение терроризма под стандартное определение организованной преступности (предлагаемое, например, Луневым /2000: 39/) вполне правомерно, если цели террористической деятельности интерпретировать как систематическое извлечение прибыли в виде политического капитала.

организованной преступностью и "непреступностью"? Как в теории, так и на практике имеются значительные проблемы, связанные с использованием понятия организованной преступности - в частности, очевидные трудности и отсутствие консенсуса в разработке и применении уголовно-правового и следственного инструментария для эффективного противодействия тем отношениям, которые ассоциируются с образом и понятием организованной преступности (Водько 2000: 8; Галиакбаров 1997: 21-22; Ларичев и Ситковец 1999; Топильская 1999: 137)⁴.

Не имея возможности дальнейшего углубления в данную проблематику, хотелось бы все же отметить следующее. Невозможно отрицать наличие случаев или лиц, очевидным образом относящихся к области социальной реальности, охватываемой понятием организованной преступной деятельности. Не вызывает сомнений также квалификация хорошо известных по экранизациям образов этнически организованных преступных групп (мафий); вымогателей-"спортсменов" эпохи ранней перестройки; наркоторговцев различного масштаба⁵. Однако все эти типы относятся к самой сердцевине "смысловой сферы", определяемой понятием организованной преступности и составляют, по всей видимости, лишь незначительную долю фигур, включенных в эту сферу⁶. Уже непосредственно близкие к сердцевине слои допускают весьма неоднозначную квалификацию, а периферия данной смысловой сферы и ее контуры и вовсе теряется в тумане.

Другими словами: в подавляющем большинстве случаев организованная преступность и преступники суть не предмет коммуникации, а продукт ее. Данная реальность возникает (конструируется) в процессе коммуникации и образует некое относительно единое целое не в силу единства объективно присущих ее элементам свойств, качеств и признаков (например, особой общественной опасности, устойчивости преступных групп, наличия в них иерархии и функциональной специализации, контроля над легальными властными структурами с помощью подкупа и насилия и т. д.). Определяющим является кто, как и зачем реконструирует реальность; свойства, качества и признаки субъектов и процессов реконструкции (Christie 1999). Речь идет о своеобразном "концептуальном оружии", вполне пригодном для политической инстру-

---

⁴ См. также решение Президиума Московского городского суда в Бюллетене Верховного суда РФ, №3 за 2002 г.; решение Верховного суда республики Татарстан в Бюллетене Верховного Суда РФ, № 10 за 2001 г., с. 17; решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ в Бюллетене Верховного Суда РФ, № 9 за 2001 г.

⁵ Однако, в этом случае уже возникает сомнение - каким образом квалифицировать организацию, торгующую одним из самых опасных наркотиков - алкоголем?

⁶ Если взять за основу образцы этой сердцевины, то определяемое ныне как "организованная преступность" семантически гораздо удобнее и правомернее было бы обозначить в качестве "нелегального бизнеса", отделив его тем самым от столь далеких от него по форме и содержанию явлений, как терроризм, преступления против окружающей среды, беловоротничковая преступность и т. д.

ментализации, однако же, не для постановки и решения научных вопросов (там же). Лучшего понимания социальной жизни можно достичь наблюдением того, как, кем и с какой целью применяется это оружие⁷. Нецелесообразным представляется, напротив, применение этого понятия в качестве описательной категории "объектного наблюдения" (*Was-Beobachtung* - Luhmann 1995: 95) для обозначения некоего эмпирически определенного фрагмента социальной действительности. Это же касается и иных "специфических форм" преступности, нагляднейшими примерами чему являются новейшие процессы против олигархов, начиная с Быкова и кончая Березовским.

Коммуникативными факторами определяется квалификация (а значит, социальный смысл и сущность) деятельности участника крупнейших афер макроэкономического масштаба, министра внутренних дел СССР (до 1983 г.) Николая Щелокова. То же самое можно сказать и о высокопоставленных участниках Уотергейта, а также вовлеченной в махинации с партийными пожертвованиями верхушки немецкой ХДС - бундесканцлера Гельмута Коля и министра внутренних дел его правительства Манфреда Кантера. Кто они - организованные преступники (и, в этом случае, легитимные объекты применения государственного насилия), или же крупные исторические фигуры и политические деятели? К какой из названных категорий следует отнести Ленина, Трумэна, Пиночета?

В настоящее время немалая часть наших сограждан отнесет к числу организованных преступников или к "мафии" Чубайса, Гайдара и Ельцина (речь идет в этом случае о "морально-предпринимательски определенной преступности": см. Hess & Scheerer 1997: 89). Мы имеем дело с воистину постмодернистским плюрализмом критериев, видений и определений. И если власти не пресекли своевременно деятельность братьев Мавроди, РДС, г-жи "Властелины" Соловьевой, то дело здесь отнюдь не в отсутствии либо несовершенстве уголовно-правового инструментария. Источники бездействия и бессилия более глубокие - налицо, **во-первых**, крушение модернистских надежд на рациональное и однозначное определение социально вредного и опасного - надежд, берущих свои истоки в идеях эпохи Просвещения. Причем определение таких критериев ожидалось от национального государства - ожидания оказались тщетными, - а Левиафан дискредитировал себя в истекшем столетии, выступив в качестве главнейшего, вне всякой конкуренции, источника социального вреда и опасности. **Во-вторых**, в эпоху функциональной дифференциации и повышения взаимной идиосинкратичности социальных сис-

---

⁷ В стадии, предваряющей непосредственное применение государственного насилия против определенных индивидов или групп, требуется определение или стилизация последних, в частности, как "представителей организованной преступности". Эффект применения дефиниционного оружия "организованная преступность" состоит в легитимации и идеологической или политической подготовке последующего применения прямого насилия.

тем, явления экономической и политической жизни становятся все менее доступными для категоризации на основе кодов правовой системы общества (другими словами, экономические транзакции и политические акции все труднее однозначно разделить на легальные или нелегальные). **В-третьих**, и это самое простое, на определенном этапе демократизации и маркетинга общества задача создания класса собственников как социальной базы для правящей элиты и гаранта необратимости реформ явилась существенным приоритетом перед задачами охраны правопорядка, социальной справедливости и т. п.

Данное исследование находится в русле методологического подхода, который можно определить как феноменологическое или этнографическое исследование условий жизни и деятельности иностранных предпринимателей в России. Это означает, во-первых, отказ от нормативно-оценочного подхода к предмету исследования, предполагающего либо критику либо апологетику существующих отношений. Во-вторых, предмет рассматривается в его целостности на основе изучения "жизненного мира" включенных в него субъектов, без предварительной системно-функциональной дифференциации на различные частные аспекты: правовой, экономический, политический, культурный и т. д.

Хотя на данном этапе еще рано выдвигать высокие теоретические амбиции, в качестве общей концептуальной основы на перспективу можно принять модель культурно обусловленных различий в "структуре релевантности практического знания" (*Relevanzstruktur des Wissens*), разработанную Альфредом Шютцем (Schuetz 1972). Согласно этой модели, в рамках каждой конкретной культуры знание о ряде жизненных аспектов носит более точный и конкретный характер, в то время как в отношении иных аспектов существуют лишь весьма приблизительные, расплывчатые или отвлеченные представления. То, что важно знать в России (скажем, в каких отношениях родства находится бизнес-партнер с местным главой исполнительной власти), может оказаться весьма иррелевантной информацией на Западе. И напротив, знание ряда формальных правил ведения бизнеса, установившихся в контексте западной деловой культуры, оказывается бесполезным в России (а соблюдение таких правил - порой даже губительным). Одна из задач работы состоит в экспликации тех аспектов знания, дефицит которых особо остро ощущается зарубежными предпринимателями, участвующими в экономических отношениях с Россией.

В целях реализации намеченного теоретического подхода, особое внимание уделялось сравнению абстрактных представлений потенциальных инвесторов и поставщиков с конкретными знаниями обстановки предпринимателями, имеющими опыт работы в России. Обобщение такого опыта в форме, доступной для использования лицами, заинтересованными в экономическом со-

трудничестве с Россией или планирующими такое сотрудничество, представляется чрезвычайно важным. Изначально предполагалось осуществить на описательном уровне "этнографическую реконструкцию" ряда аспектов жизнедеятельности иностранных предпринимателей, причем речь шла об аспектах, связанных с обеспечением безопасности и минимизацией рисков. Ознакомление с этой реконструкцией, особенно с реальными источниками дискомфорта в деятельности зарубежных бизнесменов - целевой группы исследования, - в любом случае бесполезно и для российских партнеров.

Основные посылки работы в контексте существующих научных подходов к исследованию данной тематики

Опускаясь с философски-понятийных высот, следует сказать несколько слов об исходных посылах исследования, легшего в основу данной работы (говорить о гипотезах в данном случае вряд ли возможно - на данном этапе изученности предмета речь может идти лишь об исследовании, направленном на выработку гипотез, но не на их проверку).

Во-первых, организованная преступность в любом ее понимании может рассматриваться как препятствие на пути организации цивилизованных рыночных отношений и притока иностранных инвестиций. **Во-вторых**, нельзя исключить ситуаций, в которых иностранные предприниматели вынуждены в различной степени прибегать к нелегальным и полунелегальным методам организации бизнеса на территории России в силу низкой эффективности, а порой и недоступности легальных рычагов осуществления ряда функций (впрочем, предвосхищая последующее изложение материала, можно сказать, что такие ситуации имеют место весьма редко). **В-третьих**, на сегодняшний день ощущается явный дефицит точной и надежной информации по данному предмету, что вполне объяснимо его высокой латентностью и малодоступностью соответствующих данных⁸. В числе негативных эффектов отсутствия информации следует отметить, что информационный вакуум заполняется мифами и легендами, дополнительно удерживающими иностранных инвесторов от выхода на российский рынок. Опасности, связанные с экономической деятельностью на территории Российской Федерации, зачастую предстают в преувеличенном, гротескном виде и порой усматриваются там, где их нет в действительности (естественно, возможен и противоположный вариант - недооценка реальных проблем и опасностей). По данным зарубежных исследований деятельности и безопасности иностранных предпринимателей можно судить о подобного рода существенных расхождениях между действительностью и представлениями о ней (Berg & Holtbruegge 2000: 15-16).

---

⁸ Проблема не сводится просто к отсутствию информации. Порой она, напротив, состоит в ее огромной избыточности в сочетании с отсутствием критериев определения надежности и значимости.

При этом нельзя сказать, чтобы данная тематика стала предметом активной научно-исследовательской деятельности (ср. Berg & Holtbruegge 2000: 3). Точнее, деятельность эта и лежащие в ее основе научные интересы носят несколько однобокий характер. Достаточно активно разрабатываются проблемы криминальных и "нецивилизованных" аспектов российской экономики сами по себе, вне соотнесенности их с деятельностью иностранных предпринимателей на территории России и значения их для этой деятельности (Glinkina 1997; Гишинский 2002: 202-225; Волков 1999; Ledeneva & Kurkchian 2000). Широко исследуются проблемы безопасности во взаимосвязи с макроэкономической и -политической проблематикой: политической и правовой стабильностью, колебаниями обменных курсов национальных валют и т. п. (Hoehmann 1997; Goetz 1997; Радаев 1998) Речь идет при этом о рисках, традиционно присущих рыночно-экономическим транзакциям как таковым. Рассмотрение российской специфики с этой точки зрения происходит в пределах парадигмы, которую можно обозначить как "теория рискованного предпринимательства".

Более общую основу существующих подходов составляет фиксация на различиях между "цивилизованными" или "нормальными" западными условиями предпринимательской деятельности и "недоцивилизованными" российскими условиями⁹, которые в модальности долженствования, возможности или, как минимум, желательности, должны рано или поздно достичь "цивилизованного" уровня. В отношении этих базовых посылок желательно, **во-первых**, исключить названные модальности из научного анализа - т. е., отказаться от необоснованных и вряд ли доступных обоснованию представлений о том, что в России должны или могут возникнуть условия, аналогичные западным; и даже о том, что такое "выравнивание" или "нормализация" или "догоняющая модернизация" желательны и необходимы¹⁰. **Во-вторых**, предлагается редуцировать исходные аксеологические представления к весьма тривиальному и лишённому нормативных компонент тезису, что Россия представляет собой иную социокультурную среду - не лучшую и не худшую, не отсталую и не передовую, а просто иную. **В-третьих**, работы, построенные как тавтологическое перечисление недостатков и несообразностей российской действительности, находятся за той гранью, на которой очевидность

---

⁹ "Недоцивилизованность" усматривается главным образом в отсутствии четких формальных и неформальных норм и правил, регулирующих "экономическую игру" и делающих ее результаты предсказуемыми. Возникает, однако, подозрение, что мнение об отсутствии правил основано в значительной части на их незнании, или на их отличии от тех, которыми регулируется экономическая жизнь в иных социокультурных контекстах.

¹⁰ На сегодняшний день уже многие комментаторы и эксперты разделяют мнение о том, что попытки "перекроить" Россию под Запад с помощью западных экспертов и с использованием рычагов экономической помощи со стороны международных валютно-кредитных институтов носили безуспешный и зачастую даже контрапродуктивный характер (ср. Stelzer 2000: 23).

и правдоподобие переходят в банальность¹¹. Логическим выводом из таких работ может послужить лишь рекомендация, подождать с выходом на российский рынок вплоть до устранения этих несообразностей и недостатков. **В-четвертых**, более конструктивной представляется посылка о том, что и в данной среде возможна прибыльная предпринимательская деятельность, сопряженная с "допустимыми" пределами риска и с достаточной степенью просчитываемости результатов. **В-пятых**, предпосылкой допустимости пределов риска и просчитываемости результатов является знание местных условий и достаточно глубокое проникновение, "вживание" в ту самую социокультурную среду, о которой речь шла выше. **В-шестых**, своего рода "этнографическое" исследование условий жизнедеятельности зарубежных предпринимателей в России представляется для этого более полезным, нежели акцентуированные на экономических, криминологических, правовых и прочих частных аспектах исследования.

Такого рода этнографическое изучение систематически проводится несколькими исследовательскими группами немецких ученых (Holtbruegge 1989, 1994; Gieth & Knabe 1992; Welge & Holtbruegge 1996; VDW/FES 2000). Имело место также одно финское исследование (Aroma & Lehti 1996). В дальнейшем предполагается неоднократно обращаться к данным этих исследований, используя их для вторичного анализа и сопоставления с собственными результатами. Полученные иностранными коллегами данные представляются весьма ценными; однако эти данные можно существенно дополнить и обогатить более широким вовлечением в исследование, наряду с иностранными предпринимателями, и "противоположной стороны": российских бизнес-партнеров, работников служб безопасности, российских менеджеров иностранных предприятий и т. д.

Организованная преступность и коррупция как социальные проблемы¹²

Что касается общей оценки явлений организованной преступности и коррупции, из общего массива суждений, оценок и изложенных историй вычленяется несколько дискретных позиций. На фоне общего негативного отношения к этим явлениям имели место существенные различия в понимании их сущности и генетических основ. Коррупция рассматривается во взаимосвязи с российской и советской исторической традицией - как логическое следствие ги-

---

¹¹ Так, в одной из работ мы читаем, что отсутствие "*good governance*" препятствует снижению уровня коррупции. На другой же странице приводится тезис о том, что высокий уровень коррупции препятствует установлению "*good governance*" (напр.: Luchterhandt 1999: 1118 f.).

¹² Оценки собеседниками организованной преступности и коррупции как социальных явлений легли в основу теоретической модели отношений между становлением рыночной экономики и развитием преступности в постсоветской России, предложенной и обоснованной автором в одной из прежних работ (см. Golbert 2001).

пербюрократизации общества, неэффективности государственного аппарата, дефицитарности удовлетворения потребностей в товарах и услугах в советское время. Организованная же преступность воспринимается как сравнительно новый феномен, связанный с кризисно-переходными состояниями общества. Предполагается, что в бывшем Советском Союзе тоталитарный контроль практически исключал существование подобного феномена, так что они возникают в связи с открытием общества, ослаблением контроля, снятием запретов, и, в целом, "демократизацией".

Первой, наиболее часто представленной моделью интерпретации организованной преступности в контексте общественного развития было рассмотрение ее, наряду с иными формами преступности и проявлениями дезорганизации, как своего рода "**платы за рынок и демократию**". Логика данной модели можно представить следующим образом: вступая на "правильный" путь развития; возвращаясь в русло мирового цивилизационного развития (представленного такими универсалиями, как рыночная экономика и конкурентная демократия); ожидая определенных улучшений и преимуществ от этого шага, общество должно платить и "цену" за ожидаемые улучшения и преимущества. При этом речь идет именно об "обществе" как едином целом, без различения групп населения, на долю которых в основном приходятся "преимущества" и тех, на долю которых выпадает оплата "цены". Кроме этого полагается, что "цена" в любом случае оправдана предполагаемыми "преимуществами" (наподобие тому, как риск хирургического вмешательства оправдан ожидаемым исцелением). Данная позиция сопровождается, как правило, общими рассуждениями о том, что любой переходный либо революционный период имеет следствием (как правило, ограниченный во времени) рост проявлений социальной дезорганизации, включая преступность. Прогнозы относительно длительности переходного периода носили самый неопределенный характер (десятилетия, столетия), однако же обратимость протекающих переходных процессов допускалась всего в двух случаях из всех интервью, в которых вопрос этот обсуждался более или менее эксплицитно.

Второй тип оценки роли организованной преступности (и коррупции) можно определить как квалификацию данных явлений в качестве **фактора или инструмента формирования новой, рыночной экономики**. Такое понимание встречается реже, и, как правило, интегрировано с первым типом ("организованная преступность" = плата за рыночную экономику и демократию). Коррупция воспринимается порой как эквивалент рыночной платы за услуги, вне зависимости от моральной оценки такого рода "коммерциализации" или "коммодификации" отношений в сфере государственной службы, или же "конвертации политического капитала в экономический" (Szeleny 1995: 618; подобная терминология, конечно же, не использовалась собеседниками). Говорилось скорее о системе, компенсирующей дисфункции государственного аппарата и возможностях преодоления за скромную оплату эксцессивных и

изживших себя запретов - такую позицию, в зависимости от оттенков, можно определить как циничную, прагматичную либо меркантильную.

Примерно в таком же ключе воспринималась функциональность организованной преступности. Государство показало себя, по крайней мере, временно, неспособным к выполнению регулятивных, контрольных и защитных функций. Помимо прочего, эта неспособность логически взаимосвязана с процессами деbüroкратизации и деэтатизации (опять же, не лексика собеседников) общества, носящими в целом позитивный характер. Естественным образом эти функции взяли на себя альтернативные государству субъекты. Кроме этого, предполагалось, что эти субъекты обладают повышенной способностью к усвоению рыночных образцов мышления и поведения - т. е. являют собой некое "социальное сырье" для формирования будущего класса цивилизованных собственников и предпринимателей. Помимо компенсации дисфункций государства и вживления в ткань общества рыночных отношений, в этом усматривалась третья функция организованной преступности - аккумуляции частного капитала и формирования класса собственников как гаранта необратимости реформ.

Следует заметить, что та или иная форма функциональности организованной преступности признавалась скорее в виде исключения, с разного рода оговорами и признанием эксцессов; общим рефреном были все-таки призывы к усилению борьбы с ней, ее ликвидации и нейтрализации, "очищению рыночной экономики от элементов нецивилизованности и дикости" и т. д. Кроме этого, достаточно бессмысленно было ставить вопрос об институциональных формах и рамках "врастания" субъектов организованной преступности в цивилизованное рыночное пространство: ответом были лишь общие указания на то, что процесс этот уже происходит, что он отражается хотя бы во внешнем облике и стиле поведения представителей организованной преступности; что элементы нецивилизованности будут изживаться, отпадать сами собой и отсекаются по мере укрепления государственности; что нелегальные субъекты обладают имманентным стремлением к легализации (для иллюстрации такого проявления "синдрома Питера Штойвезанта" приводились ссылки на кинематографическую разработку данной тематики, в частности, в фильмах "Крестный отец" и "Однажды в Америке").

И, наконец, в единственном случае было представлено **третье** видение, основанное на эксплицитном тезисе о **стирании граней между легальными и нелегальными экономическими субъектами**; между государством и параллельными структурами¹³. Это мнение было высказано в контексте весьма скептической оценки как замысла, так и хода осуществления рыночных ре-

---

¹³ В имплицитной форме эта позиция проявлялась систематически в виде затруднений с различением, кого же все-таки следует относить к разряду представителей организованной преступности, а кого - нет.

форм. Говорилось не о противостоянии государственных и криминальных субъектов, а скорее о их сращивании, взаимной инфильтрации и практически симбиозе. Собеседник высказал сомнение в наличии практикабельных критериев для различения преступной и не преступной власти и экономики в целом, причем сомнения эти не ограничивались Россией, но и касались стран с развитой рыночной экономикой. С его точки зрения, не криминальные отношения можно рассматривать как инструмент утверждения рынка; скорее наоборот, рыночная риторика служит инструментом легитимации отношений и процессов, которые вполне заслуживают атрибута криминальных.

Организованная преступность и коррупция как непосредственный источник опасности

Особый аспект исследования представляет собой отношение собеседников к организованной преступности и коррупции как непосредственным источникам опасности для них самих либо конкретных иностранных предпринимателей в России. В этом измерении интересной представляется поляризация мнений в зависимости от трех переменных:

- 1) Наличие/отсутствие/длительность опыта работы в России и степень личной непосредственной вовлеченности в предпринимательскую деятельность¹⁴;
- 2) Субъективная оценка собственной успешности в деловых отношениях с российскими партнерами;
- 3) Возраст собеседников.

Первые из перечисленных переменных, краткости ради, будут в дальнейшем обозначаться как "опыт" и "успешность". Не претендуя на репрезентативность, следует отметить следующие закономерности, обратившие на себя внимание:

- Чем дольше опыт, глубже вовлеченность и выше успешность, тем ниже оценка непосредственных опасностей, проистекающих от организованной преступности, коррупции и общеуголовной преступности (с одним исключением, о котором речь пойдет ниже). В частности, бизнесмен с наибольшим стажем работы в России особенно долго живописал меры, принимавшиеся его российскими бизнес-партнерами для обеспечения его безопасности. При этом он воспринимал эти меры как совершенно излишние и даже навязчивые; носящие ритуальный характер в том смысле, что ему по чину полагался определенный уровень охраны вне за-

---

¹⁴ Опыт работы в России некоторых опрошенных измерялся годами, самое большее - 10 лет. Других - месяцами; некоторые только планировали выход на российский рынок. Вовлеченность варьировала от собственного участия в деловой активности (ведение переговоров; участие в судебных процессах по гражданским искам, скажем, о взыскании задолженностей; найм персонала; регулирование отношений с государственными органами; "*public affairs management*") до выполнения разовых поручений или побочных функций, связанных с организацией поставок либо филиалов фирм в России.

висимости от реальной в ней потребности. В абстрактных же представлениях лиц, не имевших конкретного опыта работы в России, уровень исходящей от организованной преступности угрозы определялся как весьма высокий и требующий значительных специальных мер, усилий и издержек по обеспечению безопасности. Эти абстрактные представления не основывались исключительно на материалах средств массовой информации, активно эксплуатирующих тему "русской мафии": ряд собеседников, не имевших собственного опыта, сослались на рассказы коллег и знакомых, имевших такой опыт. Однако же и воздействие средств массовой информации, селективно дающих информацию негативно-сенсационного характера, отчетливо прослеживалось в качестве одного из источников формирования абстрактных представлений.

- Собеседники, обладавшие собственным опытом работы в России, были склонны ниже оценивать специфичность России в сравнении с условиями в собственной стране. В частности, это касалось наличия и распространенности неконвенциональных форм взыскания задолженностей и оказания инкассо-услуг. При всех различиях в уровне официальных и легальных возможностей в этой сфере, использование нелегальных услуг такого рода в Германии, по мнению одного из собеседников, практикуется также достаточно широко. В любом случае, различия между соответствующими немецкими и российскими реалиями оценивались как носящие скорее количественный, нежели качественный характер. При этом отмечалось, что в Германии эти отношения не просто **менее распространены** в силу наличия легальных альтернатив, но и, по ряду причин, **менее заметны**. Развивая логику собеседника, можно спекулировать об интегрированности в устойчивую и отлажено функционирующую рыночную экономику; о склонности сторонних наблюдателей и комментаторов замечать то, что они заранее расположены замечать, то, что "принято замечать", что соответствует расхожим клише и доминирующим в сфере общественной коммуникации представлениям и т. д.
- Третье различие между конкретными (основанными на опыте) и абстрактными представлениями об условиях работы в России касалось расстановки приоритетов, или ранжирования различных аспектов безопасности. В контексте абстрактных представлений гораздо большее значение придавалось проблемам обеспечения личной, или персональной безопасности. Именно эти аспекты относились даже не на второй, а на третий план общей проблематики рисков и безопасности собеседниками, имевшими конкретный опыт работы в России. Показательной является реакция собеседника, обладавшего наиболее длительным опытом работы в России (10 лет): первоначально он воспринял предмет исследования как личную безопасность предпринимателей и оценил данную постановку вопроса как лишённую значимости. Затем, в ходе интервью, он сам сформулировал иные приоритеты в обеспечении безопасности, обладающие, с его точки зрения, практической значимостью и представляющие собой в силу этого непосредственный интерес для субъектов экономического сотрудничества с Россией. В этой связи уместно также вспомнить комментарий председателя Ассоциации охранных служб и предприятий Николая Лабутина по поводу неудачного опыта совместного российско-американского охранного предприятия "Каменный остров" (в беседе с автором 14.04.1999). Согласно этому комментарию, одной из основных причин неудачи было как раз то обстоятельство, что "КОС" избрало обеспечение личной безопасности приоритетным направлением своих услуг.

В действительности же, с точки зрения "опытных" собеседников, первоочередным значением обладал комплекс взаимосвязанных вопросов:

- а) Обеспечение информационной безопасности;
- б) Обеспечение взыскания платежей за поставки и задолженностей, помимо существующей практики взимания стопроцентной предоплаты (по этому вопросу собеседник разъяснил ряд технических нюансов, которые здесь не имеет смысла воспроизводить);
- в) Прояснение вопросов налогообложения и бухгалтерского учета. Данные функции, как правило, делегируются местному персоналу. Однако иностранный предприниматель или менеджер имеет законное желание сохранять общий контроль над ситуацией и для этого иметь представление о смысле действий своих подчиненных. В данном случае речь шла о вопросе, почему, собственно, русский бухгалтер немецкого предприятия периодически выбрасывал значительную часть отчетно-финансовой документации в Неву (о взаимоотношениях с местным персоналом речь пойдет в следующем пункте);
- г) Обеспечение коммуникационной безопасности. Эта проблема охватывает значительный круг более частных функций: общение с бизнес-партнерами, представителями различных ведомств и инспекций государственной администрации, охранных служб, найм персонала и контроль над подчиненными и т. д.

При том, что передача местному персоналу значительной части оперативных функций ведения бизнеса является общей практикой, вопрос рекрутирования служащих и контроля над ними приобретает ключевое значение. Не случайно вопрос этот был поднят практически во всех интервью. При этом собеседники были единодушны в том, что подбор персонала является в России чрезвычайно сложной проблемой. Проблема эта состоит отнюдь не в отсутствии или недостаточной квалификации: об уровне квалификации российских работников, их творческом подходе к выполняемой работе и обучаемости как раз пришлось выслушать немало комплиментов. Жалобы же и претензии касались ряда деловых качеств: в первую очередь, стремления, любой ценой избегать принятия самостоятельных решений¹⁵ и низкого уровня дисциплины.

Проблема не решается повышением окладов, которое не дает ожидаемого роста надежности и лояльности по отношению к фирме. Вне зависимости от оклада, автослесарь может не выйти на работу в самый ответственный момент по причине запоя. В одном из случаев собеседник высказал подозрения в отношении своего шофера, что тот систематически приносил для оплаты существенно завышенные счета из автосервиса при фактическом наличии малозначительных поломок, которые он мог бы устранить и сам. В конце концов доверенная ему машина марки "Вольво" была угнана, как подозревает собеседник, не без участия самого шофера. Тем не менее, хищения имуществ-

---

¹⁵ Акцент ставился именно не на безответственности, а на стремлении, избегать личной ответственности.

ва и материалов фирмы персоналом были эксплицитно определены в качестве значительной проблемы в одном единственном интервью - с представителем австрийской строительной компании. Зато уж этот представитель очень эмоционально возмущался "несунами", определяя их как важнейшую проблему в своей сфере и очень долго сокрушаясь по поводу такого рода хищений¹⁶. Возможно, острота и болезненность именно данной проблемы является специфической отличительной чертой строительного бизнеса (см. Aronaa & Lethi 1996: 25 f.).

При отсутствии надежных критериев отбора персонала установилась общая практика обращения к коллегам по бизнесу - как правило, соотечественникам, либо просто зарубежным предпринимателям, в последнюю очередь - к российским бизнес-партнерам с вопросом, могли бы они кого-либо рекомендовать на ту или иную должность. Услугами фирм по подбору персонала и наймом через газетные объявления пользуются чрезвычайно редко.

Последнее расхождение в ответах лиц, обладавших и не обладавших опытом работы в России, носит достаточно тривиальный характер. Если "неопытные" жаловались на дефицит точной и надежной информации, то обладавшие опытом видели проблему как раз в противоположном - в чрезмерном ее изобилии. Перефразируя суждения собеседников, проблема состоит в том, что трудно не потеряться в массе различных сведений официального и неофициального характера (относительно правовых и экономических вопросов, платежеспособности бизнес-партнеров, персоналий и т. д.). Пользуясь упомянутой уже выше терминологией Альфреда Шютца, можно говорить о существенных различиях в "структуре значимости знаний", (*Relevanzstruktur des Wissens*: Schuetz 1972: 59 ff.) характерной для "жизненного мира" собеседников, с одной стороны, и социокультурной среды российского общества, с другой стороны. Следствием отсутствия "естественных", относящихся к глубинным слоям культуры и впитываемых едва ли не "с молоком матери" знаний и понятий о смысле и взаимосвязях обстоятельств окружающей социальной среды может являться дефицит способности к быстрой ориентации в сложной и постоянно меняющейся обстановке и к автоматическому (интуитивному) принятию решений.

Одним из примеров, иллюстрирующих различия в структуре релевантности знаний, является история, рассказанная одним из опрошенных о своем швейцарском коллеге. Последний имел намерения выхода на российский рынок, и с этой целью несколько поспешно вступил в контакт с российскими бизнесменами. Средства, внесенные обеими сторонами, предполагалось израсходо-

---

¹⁶ Особенно его возмущало то, что они выходили, по его мнению, за рамки рационально мотивированного поведения: со стройки пропадали такие предметы, которые в принципе не могли найти какого-либо применения за ее пределами, в силу чего кража их представлялась бессмысленной.

вать на создание инфраструктуры для ведения бизнеса (причем с российской стороны речь шла преимущественно о заемных средствах). "Создание инфраструктуры" понималось российскими партнерами прежде всего как установление необходимых контактов, на что была израсходована значительная часть объединенных средств. В итоге так и не удалось убедить швейцарского предпринимателя в обоснованности столь значительных издержек на "контакты"; он счел себя просто обманутым, обворованным и отказался от дальнейшего сотрудничества, в результате чего обе стороны понесли потери.

Полное "вживание" в данную среду и овладение характерной для нее структурой значимости знаний является нереалистичной целью для зарубежных предпринимателей. В силу этого, во-первых, они в обозримом будущем не смогут обойтись без местного персонала¹⁷. Во-вторых, отсюда вытекает общая постановка задач прикладного исследования в данной сфере. Задачи эти состоят не столько в получении информации, сколько в селекции и "сокращении степени сложности": массив доступных данных следует структурировать и представить в приемлемом для использования виде. В какой-то степени работа местного персонала всегда будет оставаться своего рода "черным ящиком", с инвестициями и экономическими нормативами на входе и доходом (или потерями) на выходе. Обеспечение полной прозрачности этого "ящика" либо возможности обойтись без него, вооружив предпринимателя полным набором необходимой для этого информации, представляется невыполнимой задачей. Речь может идти лишь о предоставлении в компактном виде данных, способных (опять же, в некоторой степени) повысить контролируемость работы местного управленческого персонала иностранных предприятий на территории России.

Возрастные различия касались не столько непосредственного восприятия организованной преступности и проистекающих от нее опасностей, сколько осмысления сущности данного явления и построенных на этой основе стратегий обеспечения безопасности. Представители старшей возрастной группы были более склонны относиться к данной проблематике как органической составной части экономической жизни в России. Сказать, что выводом из этого являлось признание необходимости приспособления к местным условиям, было бы некоторым преувеличением; речь шла скорее об изучении культуры и истории данного общества и учете его социокультурной специфики. В какой-то степени можно сказать, что эти люди находятся в России не только, чтобы "делать бизнес", но и, чтобы собственно, жить в этом обществе. Среди молодых предпринимателей преобладала очищенная от каких-либо посторонних мотивов (ознакомления с культурой, неформального общения) ори-

---

¹⁷ Более того, обобщая данный вывод, можно предположить, что москвич, организующий дело в Забайкалье, как правило, будет вынужден делегировать функции непосредственного и оперативного управления местному забайкальскому персоналу.

ентация на извлечение прибыли и карьерный рост. Повышенный уровень риска при этом выступает просто как внешний фактор повышения расходных статей: безопасность же просто следует покупать (в чем и состоит повышение издержек); если в результате бизнес не окупает себя, он просто не имеет смысла. Эти наблюдения нашли свое косвенное подтверждение и в данных немецкого исследования (Berg & Holtbruegge 2000: 37).

С наличием опыта взаимосвязано осознание того факта, что деятельность мультинациональных предприятий не поддается осмыслению и контролю на основе исключительно экономических категорий и расчетов. Успешная деятельность предполагает в возрастающем объеме учет различных внеэкономических факторов и целенаправленное взаимодействие не только с субъектами рыночных отношений (клиентами, поставщиками и акционерами), но и с иными социально-политическими группами и институтами. В немецком исследовании преступные организации, обозначенные термином "мафия", вышли на третье по значимости место после федеральных и региональных властей, опередив при этом объединения и ассоциации, средства массовой информации, местную администрацию, гражданские инициативы, международные организации и профсоюзы (Berg & Holtbruegge 2000: 8)¹⁸.

Дальнейшее общее наблюдение касается одного интересного противоречия в восприятии как организованной преступности, так и коррупции. В отношении обоих феноменов опрошенные с уверенностью предположили их всеобщность и повсеместность, по меньшей мере, чрезвычайно широкую распространенность. "Многочисленные сообщения об опыте немецких предприятий /в России/ содержат указания на особые сложности в отношениях с общественными и политическими группами, а также на значительное влияние мафии и коррупции" (Berg & Holtbruegge 2000: 6). Особенно это касается взяточничества: продажность российских чиновников была штампом, переходящим их одного интервью в следующее. В качестве объяснения, помимо упомянутой уже выше специфики "российской бюрократической традиции", приводился слишком низкий уровень окладов, заставляющий чиновников искать дополнительные источники доходов. При этом собеседники весьма скептически оценили перспективы повышения окладов как меры, способной умерить взяточнические аппетиты. Похоже, культурному фактору в объяснении эксцессивной коррумпированности придавалось все же большее значение.

В контрасте с этими представлениями о "повсеместности" находился тот факт, что ни один из опрошенных не признался, что ему приходилось когда-

---

¹⁸ Следует, впрочем, отметить, что в немецком исследовании термин "мафия" использовался в расширительном смысле, характерном для обыденного словоупотребления в России. Термин этот покрывал такие категории субъектов, как охранные службы и замешанных в нелегальную деятельность российских предпринимателей.

либо давать взятку в полном смысле этого слова, не считая "презентов" в виде коробки шоколадных конфет, бутылки коньяка, блока сигарет и т. п. Этому контрасту можно привести ряд объяснений. Одно из них состоит в том, что, по крайней мере, немецкие предприниматели действительно стараются работать "чисто" и порой жертвуют возможной выгодой из соображений законопослушания и правовой корректности (отчасти, исходя из стратегических намерений долгосрочного утверждения на данном рынке и создания необходимого для этого собственного имиджа). Иное объяснение заключается в том, что именно функции, связанные с дачей взяток, препоручаются местному персоналу, деятельность которого представляет собой своего рода "черный ящик", в функционирование которого иностранный предприниматель не может, да, по сути, и не хочет вникать. И, наконец, нельзя исключить предположения, что некоторые из опрошенных были не совсем искренни в своих ответах.

Из ряда почти идентичных мнений выделяется суждение одного из собеседников, в достаточно резкой форме определившего общие представления о широком распространении коррупции в России как преувеличенные и, в любом случае, упрощенные. Для начала он высказал мнение, что при столь низком уровне окладов стоит скорее удивляться, почему чиновники берут так мало взяток. Далее он сослался на собственный опыт получения услуг, порой не вполне легальных, причем ему, вопреки всем ожиданиям, не пришлось давать взятки. Правда, так и не удалось выяснить, о каких услугах шла речь, кроме получения фиктивных счетов в гостиницах и ресторанах (по-видимому для командировочных отчетов) и подобных малозначительных подложных документов. Итоговое высказывание было зафиксировано дословно: "Все это как-то странно... Ни с того ни с сего приходится платить за то, что в других странах получаешь бесплатно, и наоборот - дело обходится без взятки, когда полностью уверен, что ее придется платить".

Следующий парадокс явился результатом попытки воспроизвести в интервью стандартные вопросы о чувстве безопасности и виктимном опыте. Все опрошенные ответили, что ощущают себя в России спокойно и в безопасности; один даже - в полной безопасности. На этот вопрос отвечали также собеседники, не имевшие опыта работы в России: каждому из них довелось уже побывать там несколько раз в туристических поездках либо по личному приглашению. На абстрактно поставленный вопрос об основных источниках опасности для иностранного бизнеса в целом, тем не менее, каждый назвал "мафию" (в отличии от российского расширительного значения этого слова, имея в виду при этом исключительно преступные организации или "бандитов" - это выяснилось из уточняющих вопросов). Другими словами, при абстрактной постановке вопроса на первый план выходила систематическая преступная деятельность, целенаправленно осуществляемая в отношении иностранных предприятий и их представителей.

На вопрос же о конкретных угрозах для личной безопасности опрошенных "мафия" ни разу не была упомянута имевшими опыт работы в России, и лишь в одном из трех случаев - не имевшими такого опыта. Из угроз криминального характера на первый план вышла вероятность тривиального виктимного происшествия в рамках "обычного" общеуголовного преступления - кражи, грабежа, насильственных действий со стороны пьяных и подростков и т. п.

Личный виктимный опыт имели четверо из опрошенных - в одном случае эта была карманная кража, в другом - инцидент с цыганами, окружившими потерпевшего, блокировавшими его руки и выпотрошившими его карманы. Третий случай имел место в буфете, причем был украден бумажник, непредусмотрительно выложенный на стойку и на несколько секунд оставшийся вне поля зрения (бумажник был впоследствии найден на ступеньках у входной двери, естественно, освобожденный от содержавшейся там наличности). Материальный ущерб в этих случаях исчислялся в суммах от 100 до 300 долларов (в пересчете). Четвертый обладатель виктимного опыта подвергся приставанию со стороны пьяных; дело не дошло до рукоприкладства, поскольку инцидент был улажен с помощью окружающих граждан. Подытоживая эти ответы, можно сказать, что реальным источником конкретной опасности выступают скорее случайные инциденты общеуголовного характера, причем пострадавшие ощущали и личную ответственность за происшествие в смысле "неправильного поведения", отсутствия осторожности и т. п.

Парадокс различия между абстрактной и конкретной оценкой источников опасности повторился при ответах на комплекс вопросов об организованной преступности: практически каждый был убежден в ее вездесущности, буквально "ощущал на себе ее дыхание". Каждый знал несколько историй о "наездах" на кого-либо из своих иностранных коллег по бизнесу, а также о ряде историй, на шумевших в свое время. Однако, как уже было отмечено выше, никому из опрошенных никогда не доводилось лично соприкоснуться с данным феноменом в классическом его виде, представленном вымогательством "защитных денег" нелегальными субъектами, группами или сообществами. Впрочем, как уже упоминалось выше, собеседники испытывали некоторую неуверенность в отношении своих российских бизнес-партнеров и сотрудников охранных фирм, с которыми заключались договоры об обеспечении безопасности - не относятся ли данные фигуры какой-то своей частью к феномену организованной преступности? В данном случае на первый план выходят поднятые во вступлении общие вопросы - в какой степени на сегодняшний день правовые категории соотносятся с экономическими реалиями и насколько можно в действительности различать между легальными и нелегальными участниками рынка¹⁹.

---

¹⁹ Возможно, уместнее вести речь о "скорее легальных" и "скорее нелегальных" участниках - в любом случае понятие "организованной преступности" оказывается эмпириче-

Можно предложить ряд объяснений различиям между абстрактными и конкретными представлениями об источниках риска и опасности. При этом в данных расхождениях отнюдь не проявляется отсутствие логики либо последовательности; напротив, особое место "мафии" как источника угроз в абстрактных представлениях логически связано с отсутствием ее в этом качестве в представлениях конкретных. Исходя из абстрактных представлений, принимается целый ряд мер, в конечном итоге существенно снижающих вероятность реальной виктимизации со стороны организованных преступных групп²⁰. В то же время, исходящие от общеуголовной преступности опасности не просто недооцениваются: в силу их несистематического или "случайного" характера гораздо сложнее организовать и какую-либо систематическую защиту от них. Не случайно защита персонала от "случайных" преступлений (*random crime*) не включается в контракты с охранными предприятиями, и "крыши" оказываются неэффективными в обеспечении безопасности от такого рода криминальных инцидентов (см. также Aronaa & Lehti 1996: 13 ff., 34).

Кроме этого, соблюдение ряда правил поведения иностранных предпринимателей в России, отчасти эксплицитно сформулированных в соответствующих инструкциях их фирм, существенно снижает вероятность соприкосновения с классическими формами организованной преступности. Речь идет прежде всего о "суперкорректности" и избегании любых сделок и отношений сомнительного характера (при наличии малейшего подозрения в легальности): именно вовлечение в нелегальную сферу является главным фактором риска виктимизации со стороны организованных преступных групп (ср. Berg & Holtbruegge 2000: 13). Далее, иностранные представительства стараются не афишировать месторасположение своих офисов с помощью вывесок либо рекламы (в противоположность обычному для бизнеса навязчивому стилю саморепрезентации). И, наконец, в контингенте опрошенных не были представлены лица, занятые в сфере мелкооптовой торговли и владельцы кафе, ресторанов и учреждений досуга - первоочередной объект посягательств организованных преступных групп.

Одно из частных наблюдений касается нескольких предпринимателей, свернувших свой бизнес в России. Все эти случаи имели место после дефолта 1998 г., обернувшихся для каждого из них (а по их словам, и вообще для ка-

---

ски плохо детерминированным. Это означает наличие значительного числа случаев, которые достаточно трудно однозначно соотнести с понятием - охватываются ли они им или нет.

²⁰ Подобное объяснение можно предложить и в отношении так называемого "парадокса страха перед преступностью": более высокий уровень страха обнаруживают именно те категории населения - женщины и пожилые люди, - которые реже подвергаются преступным посягательствам. Это обстоятельство теряет характер парадокса, если учесть, что страх побуждает именно к такому стилю поведения, который сопряжен с меньшими рисками криминального характера.

ждого) финансовыми потерями. Опасности, связанные с организованной преступностью, ни в одном из интервью не были указаны в качестве причины ухода с российского рынка. Причины же были сформулированы в достаточно общем виде: усталость, раздражение, дискомфорт, сложность работы в данных условиях, отсутствие развитой инфраструктуры и т. п. Речь шла не столько о необходимости платить взятки, сколько о более общих условиях существования и развития коррупции, затруднявших одновременно сверх всякой меры ведение бизнеса в России. Упомянуты были обилие и некомпетентность бюрократии, сложные и непроницаемые для наблюдения процессы принятия решений, значительные издержки времени и нервной энергии на коммуникацию с таможенной и налоговой службой, дефекты правовой системы: правовая нестабильность и противоречивость законодательства, телефонное право и вытекающая отсюда невозможность долгосрочного планирования и т. п. - словом, обстоятельства, выходящие за пределы тематики данной работы.

"Особое мнение" по исследуемой проблематике

Собранный материал в целом характеризуется непротиворечивостью и единообразием мнений, взглядов и оценок, а также в основном согласуется с данными немецких и финского исследований. Даже если принять во внимание рассмотренные выше вариации по ряду вопросов в зависимости от опыта работы собеседников в России и их возраста, это не меняет картины, поскольку сами вариации характеризуются воспроизводимостью и повторяемостью. С одной стороны, это служит показателем достаточно высокой надежности полученных данных, насколько при столь малом количестве интервью можно вообще говорить о надежности (естественно, не в смысле статистической надежности). С другой стороны, это говорит о том, что удалось зафиксировать лишь некий поверхностный слой отношения собеседников к предмету интервью: видимо, они рассказали то, что привыкли спонтанно рассказывать о своем опыте работы в России знакомым и коллегам, не затрудняясь глубокой аналитической оценкой этого опыта. При более глубоком проникновении в суть предмета картина получилась бы, предположительно, более сложной и противоречивой, отражающей специфику и уникальность личного опыта каждого из собеседника.

В единственном из интервью такое "более глубокое проникновение" все же, по-видимому, имело место. Это интервью существенно выделяется из общего ряда, что отчасти объясняется и особенностями собеседника: это был оптовый поставщик фруктов из Испании (единственное интервью, проведенное на русском языке и существенно превысившее по длительности средние затраты времени: если прочие интервью заняли от 40 минут до полутора часов, это длилось более 4 часов). В данный момент он не занимался поставками в

Россию, однако в недалеком прошлом на протяжении ряда лет имел такой опыт. Хотя вопрос был поставлен о его взгляде как зарубежного предпринимателя на вопросы безопасности, организованной преступности и коррупции в России, рассуждения его были построены скорее как реконструкция взгляда российского предпринимателя, попытка встать на место или "влезть в шкуру" последнего и посмотреть на предмет его глазами.

Нетипичная для предыдущих интервью (как, впрочем, и для большинства криминологических работ) рефлексивность проявилась уже в совершенно неспровоцированном длинном рассуждении о затруднительности различения в данной сфере предпринимательства между криминальными, полуполевыми и полностью легальными транзакциями, сделками и их субъектами; затруднительности однозначной идентификации российских бизнес-партнеров в качестве либо преступников либо "честных предпринимателей". В лучшем случае, по мнению собеседника, можно говорить о **"преимущественно преступных"** субъектах с одной стороны, чей доход происходит главным образом из нелегальных сделок, однако же ведущих параллельно, хотя бы из соображений прикрытия нелегальной компоненты своей деятельности, и легальный бизнес. С такими собеседнику не приходилось иметь дела. Однако, в существовании их он был уверен, основываясь на собственных наблюдениях, умозаключениях и опыте общения со своими бизнес-партнерами. Последние относились к категории, о которой можно говорить с другой стороны - **"преимущественно легальных"**, чья деловая активность носит в своей основе легальный характер, однако при случае они не брезгают и сделками сомнительного характера, не говоря уж о возможностях сокрытия доходов от налогообложения, получения льгот и преимуществ за взятки и т. п.

По мнению собеседника, в основе различий между этими категориями лежит отнюдь не некая внутренняя порочность или криминальная энергия первых и относительная порядочность последних. Находящиеся большей своей частью в нелегальной сфере имеют сильную мотивацию и тенденцию к проникновению в легальную сферу и утверждению в ней. Осуществить это, однако, весьма нелегко, не обладая изначально как значительным капиталом чисто экономического характера, так и социальным капиталом в виде связей.

Осуществление систематических поставок в Россию собеседник сравнил с лотереей или азартной игрой. После первых поставок, осуществляемых с почти стопроцентной предоплатой²¹, схема "полный платеж - поставка", как правило, нарушается. Не столь важно, почему и как первоначальные отношения меняют свой характер, важен результат: имеют место длительные периоды, когда либо та либо другая сторона имеет задолженность перед своим партнером (поставщик в виде предварительно оплаченной партии товара ли-

---

²¹ В действительности, предоплата производится на уровне 95-97% на случай возникновения претензий по качеству.

бо покупатель в виде оплаты за осуществленную поставку). Эти задолженности на том уровне, на котором работал собеседник, могли составить несколько сотен тысяч долларов. В такие моменты возникает соблазн невыполнения своих обязательств, т. е. получения единоразовой чистой прибыли в размере этих нескольких сотен тысяч (собеседник знал даже российские слэнговые обозначения, такие как "хлопнуть" или "кинуть"). Естественно, что это имеет следствием разрыв деловых отношений и попытки взыскания долга противоположной стороной. Альтернативой является продолжение выплат/поставок до момента, когда можно будет "хлопнуть" своего бизнес-партнера на более крупную сумму. Моменты выбора между этими двумя альтернативами и делает данный бизнес похожим на азартную игру.

При невыполнении обязательств по платежам и поставкам основным сдерживающим мотивом является отнюдь не опасение, потерять репутацию либо подвергнуться преследованию в судебном порядке. Предприниматель, как правило, хорошо разбирается в том, кого можно и кого нельзя "хлопать"; умеет позаботиться о таком оформлении договоров, которое практически исключает возможность успешного взыскания с него задолженности на основе существующей правовой базы (международного частного права). Кроме этого, он осуществляет систематические выплаты правоохранительным органам, органам юстиции и частным охранным фирмам, чтобы обезопасить себя от попыток кредиторов (не только иностранных), взыскать задолженность легальными либо нелегальными способами. Эти выплаты варьируют в зависимости от масштаба бизнеса; при обороте в полмиллиона долларов в месяц выплаты составляли ежемесячно около пяти тысяч долларов.

Действительный риск состоит в возможности неожиданно "быть пойманным" впоследствии. Например, осуществить предоплату совершенно иному поставщику и затем вместо поставки товара получить напоминание о своих когда-то непогашенных задолженностях.

С одной стороны, собеседник оценил такой стиль ведения бизнеса как основанный на двойных стандартах морали - при этом весь деловой мир разделяется на "своих", в отношении которых следует соблюдать этические нормы и "чужих", в отношении которых дозволено эти нормы нарушать. Причем иностранные предприниматели зачастую автоматически причисляются к категории "чужих" (ср. Олейник 2001: 19). С другой стороны, он проявил нечто вроде понимания к "относительной деловой нечистоплотности" российских бизнесменов. Учитывая необходимость оплаты услуг по обеспечению безопасности в совокупности с систематическими выплатами таможене, налоговой службе и другим контрольным инстанциям, обойтись без нелегальных и семилегальных махинаций, направленных на повышение доходных и сокращение расходных статей просто не представляется возможным. В качестве критерия приемлемости собеседник сформулировал некоторое чувство меры и

отсутствие эксцессов, состоящих в превышении объема нелегальных транзакций над уровнем, обусловленным необходимостью дальнейших платежей вышеназванным контрольным органам (впрочем, критерий этот не был определен достаточно четко и эксплицитно - к этому сводилась суть довольно пространных рассуждений; в приводимой здесь реконструкции смысла этих рассуждений присутствует значительная доля авторской интерпретации). В итоге возникает нечто вроде замкнутого круга (*circulus viscius*): ради возможности проводить нелегальные и полулегальные операции приходится платить взятки; ради же возможности выплаты взяток приходится прибегать к нелегальным и полулегальным операциям.

И наконец, в отношении перспектив разрыва этого порочного круга собеседник был настроен одновременно пессимистично и оптимистично. Пессимистично в той мере, в которой это касается возможностей реальных предпринимателей на данный момент времени, вырваться из-под давления обстоятельств. И оптимистично в отношении общей тенденции, которую он усматривал в стабилизации и сокращении удельного веса нелегальных и полулегальных транзакций в данной сфере предпринимательской деятельности. Не исключено, что на определенном этапе соотношение легальной и нелегальной компонент в российском бизнесе достигнуто пропорции, характерной для стран с развитой рыночной экономикой. Однако высказать какие-либо, даже сугубо предположительные, соображения о темпах этого процесса собеседник отказался.

Несколько слов в заключение

Делать какие-либо окончательные выводы, заключения и обобщения на данном этапе, при достигнутом на сегодняшний день уровне изученности предмета, представляется преждевременным даже с учетом результатов более масштабных исследовательских проектов финских и немецких коллег. Следует учитывать высокую динамику развития ситуации, опережающую цикл осуществления исследовательских работ и публикации результатов, которые в некоторой степени уже устаревают к моменту опубликования. Также вряд ли можно утверждать об однозначном подтверждении исходных посылок данной работы, сформулированных во вступительной ее части.

Вместе с тем, полученные данные обладают статусом аргумента в пользу этих посылок. В частности, они дают основания судить о том, что абстрактные представления о рисках и опасностях, связанных с предпринимательской деятельностью в России, носят в значительной степени мифологический характер. Не лишены определенных реальных оснований, эти мифы имеют эффект, который можно определить с помощью теоремы Томаса: убежденность действующих лиц в реальности ситуации (рисков, опасностей) приводит к тому, что эта ситуация (эти риски и опасности) имеет вполне реальные

последствия. Последствия эти состоят в дополнительном дискомфорте, проистекающем из представлений об якобы чрезвычайно специфических условиях предпринимательской деятельности в России.

Представляется также сомнительной выжидательная позиция в отношении выхода на российский рынок. Выжидать формирования "нормальных условий", подобных условиям в странах с развитой рыночной экономикой, бессмысленно уже хотя бы потому, что перспективы подобного выравнивания весьма неясны (даже если оставить в стороне более фундаментальный вопрос: в каком направлении происходит развитие в странах с развитой рыночной экономикой?). Успешная предпринимательская деятельность, сопряженная с допустимым в иных контекстах уровнем риска, возможна уже сегодня.

Развитие и нормализация экономических отношений с Россией может произойти только в процессе и только благодаря развитию и нормализации этих отношений - усилия со стороны внешнеэкономических партнеров представляются важнейшим внешним фактором данного процесса. Эти усилия предполагают и включают в себя изучение локальных контекстов предпринимательской деятельности в России - изучение не с целью адаптации к этим контекстам, а с целью их учета и овладения умением, действовать вопреки их мнимым императивам. "Значимые для мультинациональных предприятий внешние условия не носят случайного характера 'естественной' среды, а являются результатом осознанных и целенаправленных действий групп, интересы которых так или иначе связаны с деятельностью предприятий. Поэтому они не должны пассивно приниматься как некая данность и вполне поддаются проактивному воздействию в благоприятном для себя направлении с использованием инструментов управления процессами в сфере взаимодействия с общественностью" (*public affairs management*: Berg & Holtbruegge 2000: 4; см. также Welge & Holtbruegge 1998: 263).

Литература

- Aromaa, K. & Lethi, M (1996): *Foreign Companies and Crime in Eastern Europe. The Security Environment in St.Petersburg and Estonia in 1995.* Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, Publication No. 135
- Berg, N & Holtbruegge, D. (2000): *Die Beziehungen Multinationaler Unternehmungen zu ihren sozio-politischen Interessengruppen. Ergebnisse einer empirischen Untersuchung in Tochtergesellschaften deutscher Unternehmungen in der Russischen Foederation.* In: Welge M. K. (Hrsg.): *Dortmunder Beitrage zur Unternehmensfuehrung.* - Dortmund: Universitaet Dortmund, Arbeitsbericht Nr. 29
- Christie, N. (1999): *A Much Needed Mafia.* - Manuscript
- Волков, В. (1999): *Политэкономия насилия, экономический рост и консолидация государства.* В: *Вопросы экономики, № 10*
- Галиакбаров, Р. Р. (1997): *Юридическая природа группы лиц в уголовном праве.* В: *Советская юстиция, №20*
- Gieth, F. & Knabe, B. (1992): *Wirtschaftsaktivitaeten in Russland. Lebens- und Arbeitsbedingungen deutscher Firmenvertreter.* In: *Berichte des BIOst.* - 48 f.
- Гилинский, Я. И. (2002): *Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль.* - СПб: Питер
- Glinkina, S. (1997): *Kriminelle Komponenten der russischen Wirtschaft: Typen und Dimensionen.* In: *Berichte der BIOst*
- Goetz, R. (1997): *Besser spaet als nie: Der dritte Versuch einer "Radikalen Reform" der russischen Wirtschaft.* In: *Aktuelle Analysen des BIOst*
- Golbert, V. (2001): *Implementierung der Marktwirtschaft und Kriminalitaetsentwicklung im postsozialistischen Russland.* In: Gutsche, G. & Thiel, K. (Hrsg.): *Gesellschaft und Kriminalitaet im Wandel.* - Moenchengladbach: Forum-Verl. Godesberg: 161-210
- Hess, H & Scheerer, S (1997): *Was ist Kriminalitaet? Skizze einer konstruktivistischen Kriminalitaetsstheorie.* In: *Kriminologisches Journal.* - 29.Jg./Heft 7: 83-155
- Hoehmann, H.-H. (1997): *Wirtschaftslage und Stand der oekonomischen Systemtransformation in Russland.* In: *Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament.* - B 30-31/18. Juli: 13-22
- Holtbruegge, D. (1989): *Managerial Problems of Joint Ventures in the Soviet Union.* In: *Dortmunder Beitrage zur Unternehmensfuehrung.* - Dortmund: Universitaet Dortmund, Arbeitsbericht Nr. 8
- Holtbruegge, D. (1994): *Personalbeschaffung in Mittel- und Osteuropa. Ergebnisse einer empirischen Untersuchung.* In: *Dortmunder Beitrage zur*

- Unternehmensfuehrung*. - Dortmund: Universitaet Dortmund, Arbeitsbericht Nr. 17
- Ларичев, В. и Ситковец, Н. (1999): *Применение статьи 210 УК РФ*. В: *Законность*, ¹ 10
- Ledeneva A. V. & Kurkchian, M. (2001) (eds.): *Economic Crime in Russia*. – Hague: Kluwer Law International
- Luchterhandt, O. (1999): *Russlands unsicherer Weg zum Rechtsstaat*. In: *Osteuropa* - 11/12: 1108-1126
- Luhmann, N. (1995): *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. - Frankfurt a. M.: Suhrkamp
- Лунеев, В. В. (2000): *Изучение организованной преступности в России в период действия нового уголовного законодательства (1997-1999 гг.)*. В: *Организованная преступность и коррупция*, № 1
- Олейник, А. (2001): *"Бизнес по понятиям": об институциональной модели российского капитализма*". В: *Вопросы экономики*. - № 5: 4-25
- Радаев, В. (1998): *Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика*. - М.: Центр политических технологий
- Schuetz, A. (1972): *Der Fremde*. In: Ders. (Hrsg.): *Gesammelte Aufsätze*. - Bd. 2: *Studien zur soziologischen Theorie*. - Den Haag
- Stelzer, E. *Erwartungen in der deutschen Wirtschaft an Gesetzgebung und Rechtspraxis in der Russischen Foederation*. In: *Mitteilungen fuer deutsch-russisches Wirtschaftsrecht e. V.*, Nr. 18-19 (Jg. 11/2000): 21-27
- Szeleny, I. & Szeleny S, (1995): *Circulation or reproduction of elites during the postcommunist transformation of Eastern Europe*. In: *Theory and Society. Renewal and Critique in Social Theory*. Volume 24/5, October: 615-638.
- Топильская, Е. В. (1999): *Организованная преступность*. - СПб: Юр. Центр Пресс
- Verband der deutschen Wirtschaft in der russischen Foederation/Friedrich-Ebert-Stiftung (2000): *Wie sicher lebt und arbeitet man in Moskau? Erfahrungen und Urteile von Deutschen*. - Moskau & Muenchen (<http://www.vdw.ru>, 18.08.2000)
- Welge, M. K. & Holtbruegge, D. (1996) (Hrsg.): *Wirtschaftspartner Russland. Rahmenbedingungen-Kooperationsstrategien-Erfahrungsberichte*. - Wiesbaden
- Welge, M. K. & Holtbruegge, D. (1998): *Internationales Management*. - Landsberg a. L.